

Мороз Алексей Васильевич

начальник Экспертно-криминалистического
центра н.п. ГУВД по Краснодарскому краю,
полковник милиции,
Почетный сотрудник МВД России,
доцент кафедры
специальных юридических дисциплин
Южного института менеджмента
тел.: (918) 113-47-21

Moroz Alexey Vasilevich

head of Expert criminalistic center of
State Department of Internal Affairs
in Krasnodar region,
colonel of militia,
Honorary Fellow of Russian Ministry of
Internal Affairs
associate professor of the chair of
specific legal disciplines,
Southern Institute of Management
tel.: (918) 113-47-21

ЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ СЛЕДОВ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ФИНАНСОВЫХ МОШЕННИЧЕСТВ

IMPORTANCE OF MATERIAL EVIDENCES IN REVELATION AND INVESTIGATION OF FINANCIAL FRAUDS

Аннотация:

В статье анализируются различные научные подходы к понятию «материальные следы преступления», сформулировано авторское определение данного понятия и рассмотрено значение материальных следов в раскрытии и расследовании финансового мошенничества.

Ключевые слова:

финансовое мошенничество, материальные следы.

The summary:

The article analyses different scientific approaches to the concept "material evidences of the crime", formulates the author's determination of this concept and considers the importance of material evidences in revelation and investigation of financial fraud.

Keywords:

financial fraud, material evidences.

Понятие «след», являясь одним из центральных и значимых в криминалистике, появилось и начало развиваться гораздо раньше самой науки криминалистики. При этом понятие «след», изначально употребляемое субъектами доказывания (лицами, уполномоченными на производство расследования преступления) в общепринятом лексическом значении как отпечаток чего-либо на какой-нибудь поверхности [1, с. 670], в силу своей методологической и гносеологической значимости для расследования преступлений, трансформировалось в научную категорию, продолжающую развиваться и в настоящее время.

Значимость следов для раскрытия и расследования преступления не подвергалось сомнению с самого начала данного вида деятельности. Еще в Древней Индии умели «читать» следы и по ним разыскивать преступника [2, с. 258]. В первом крупнейшем источнике российского права Русской Правде (древнейшая редакция составлена не позднее 1054 г.) [3, с. 12, 15] определялась такая форма производства предварительного расследования (досудебной подготовки дела), как гонение следа – отыскание преступника по его следам. Позже для успешного раскрытия и расследования преступлений потребовалась разработка тактических приемов и технических средств по обнаружению, фиксации и изъятию следов и различных объектов на месте происшествия и исследованию их в лабораторных условиях [4, с. 258].

Так, Н. Орлов писал, что «производить следствие надлежит по горячим следам с особенным вниманием и крайней осмотрительностью, дабы ни малейших обстоятельств, особенно при начале, не было выпущено из виду» [5, с. 46–47].

А.А. Квачевский не только указывал на значимость следов, перечислял употребляемые в практике того времени следы, но и, по сути, поднимал вопрос о криминалистической идентификации, установлении связей между элементами расследуемого преступного события. «Одним из лучших указателей на известное лицо, – писал он, – служат следы его пребывания на месте преступления, они бывают весьма разнообразны: следы ног, рук, пальцев, сапог, башмаков, лошадиных копыт, разных мелких вещей, принадлежащих известному лицу; следы бывают тем лучше, чем более дают определенных указаний, чем отличительнее они, чем более в них чего-либо особенного, например отпечатков разного сорта гвоздей на подошвах, след копыта лошади, кованной на одну ногу; здесь точное измерение, то есть определение тождественности вещей с тождественностью лица, может повести ко многим указаниям» [6, с. 201].

В. И. Лебедев, соотнося значимость свидетельских показаний и следов, писал: «Наиболее же ценные показания, часто сразу раскрывающие преступления, – дают так называемые «немые свидетели» из видимых или даже неразличимых простым глазом следов, оттисков, «лишних предметов», обнаруженных на месте преступления и по пути следования преступника. А эти «немые свидетели» в то же время и свидетели самые неподкупные!» [7, с. 191].

В 1913 году (!) уже используется термин «материальные следы преступления»: «С того момента, как будущее поколение юристов уже на университетской скамье начнет знакомиться с принципами криминалистики, начнется новая эра в истории расследования преступлений, новая эра уголовного процесса, опирающегося не на свидетельские показания и не на сознание обвиняемого, а на материальные следы преступления, на реалии уголовного процесса» [8, с. 75–78].

Завершим приведенную историческую галерею мнений высказыванием Томаса Гексли, в котором он в образной форме поднимает основную гносеологическую проблему процесса расследования преступлений, состоящую в том, что любое расследование является ретроспективным: «Полицейский открывает преступника по следам его шагов таким же точно умственным процессом, каким Кювье восстановил образ исчезнувших животных Монмартра на основании одних только отпечатков от их костей» [9, с. 35].

Е.П. Никитин по этому поводу пишет: «Исследователь живет и работает в мире настоящего. Только в этом мире он может черпать материал для познания как прошлого, так и будущего... Настоящее хранит в себе следы прошлого и зачатки будущего. Именно эти следы прошлого и являются тем отправным объективным материалом, на котором основывается ретросказательное исследование... исходными данными.

Установление исходных данных – первый, подготовительный этап в структуре процесса ретросказательного исследования, представляющий собой его эмпирический уровень. На этом этапе создается база для последующего – абстрактно-теоретического – уровня ретросказания. Предметы, описываемые в исходных данных, существуют в настоящее время и сами по себе еще не позволяют проникнуть в прошлое, преодолеть «барьер», отделяющий настоящее от прошлого. Средством преодоления этого «барьера» является теория или, конкретнее, закон науки, представляющий собой отражение в научных понятиях закона реальности... Закон науки выполняет ретросказательную функцию благодаря тому существенному свойству, что он инвариантен относительно времени (то есть верен для всех предметов в настоящем, прошлом и будущем)» [10, с. 35].

Действительно, финансовое мошенничество к моменту расследования, а тем более судебного разбирательства, является событием прошлого и может быть познано только благодаря его отражению в окружающей обстановке, которое в криминалистике традиционно называют следами. Они объективно существуют как результат взаимодействия пре-

ступления с материальным миром [11, с. 49]. Следы, которые преступник оставляет в процессе совершения финансового мошенничества, – это результат его взаимодействия с окружающими телами. Для следователя, ведущего расследование, это данные, несущие информацию о произошедших событиях [12, с. 162]. Материальные следы являются «отпечатками» события [13, с. 115]. Следы – это «временной мост», соединяющий прошлое, когда было совершено финансовое мошенничество, с настоящим, когда осуществляется его расследование.

При этом возможности интерпретации следов в процессе доказывания постоянно расширяются. «Знание механизма образования следов, их классификации, – отмечал И.И. Пророков, – позволяет судить о способе совершения определенных действий, результатом которых данные следы являются, и об особенностях объектов, образовавших эти следы» [14, с. 7]. Г.Г. Зуйков считал, что «следы определенного способа совершения преступления указывают не только на совершенные действия, но и на обстоятельства, детерминировавшие способ совершения преступления, определившие состав и характер совершенных действий; в частности, по характеру совершенных действий представляется возможным предположительно судить об определивших способ совершения преступления качествах личности» [15, т. 1, с. 57].

Криминалистику, писал Р.Г. Домбровский, образно называют наукой о следах, так как изучение механизма образования следов преступления и работа следователя (суда), связанная с их обнаружением и анализом, составляют ее основу. Данное положение не утратило своего значения и в настоящее время: предпосылкой раскрытия каждого преступления выступают оставляемые им разнообразные следы [16, с. 74].

Еще одним подтверждением сказанного является тот факт, что на различных этапах эволюции криминалистики как науки следы и закономерности их образования и исследования являлись обязательным элементом ее предмета.

Так, Б.М. Шавер формулировал его следующим образом: «Криминалистика изучает приемы и методы совершения преступлений, следы, остающиеся в результате совершения преступных действий или оставляемые преступником, и данные естественных и технических наук в целях приспособления всего этого к задачам расследования преступлений» [17, с. 66].

В определении, данном М.С. Строговичем, «следы» являются основным и, по сути, единственным криминалистическим элементом предмета – «научные приемы обнаружения и исследования вещественных доказательств и следов преступлений, приемы, заимствованные из естественных и технических наук и приспособленные к использованию при расследовании преступлений» [18, с. 6].

Принятое в настоящее время большинством ученых-криминалистов данное Р.С. Белкиным определение криминалистики как «науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [19, с. 59] также содержит рассматриваемую категорию «след», хотя и опосредованно – через категории «информации» и «доказательства».

Современное понятие «следа», прочно и бесспорно утвердившееся в настоящее время в криминалистике, определяется с позиции всеобщего свойства материи – отражения.

«Всякое событие, – как отмечал В.И. Корюкин, – связано с изменениями в окружающей среде. Изменения в среде предшествуют наступлению события, наступление события, в свою очередь, вызывает изменения в окружающей среде... Для того чтобы узнать о собы-

тии, мы должны выделить связанные с ним изменения. Связь изменений с событием существует объективно» [20, с. 42, 43]. Р.С. Белкин писал: «Я пришел к твердому убеждению, что концептуальная философская категория отражения составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики, что эта категория охватывает фактически все направления криминалистической науки и многие другие философские категории, используемые в ней» [21, с. 49]. Событие преступления есть один из материальных процессов действительности, а поэтому находится в связи и взаимообусловленности с другими процессами, событиями и явлениями, отражается в них и само выступает отражением каких-то процессов [22, т. 1, с. 124].

В криминалистической науке следом преступления является часть информации (материальной или идеальной), объективно возникающая в результате преступления на всех стадиях его совершения (приготовления, исполнения, сокрытия), применительно к которой имеются научно обоснованные, практически проверенные и допустимые средства, приемы и методы ее обнаружения, извлечения, исследования, использования и оценки [23, с. 29–30].

С гносеологической точки зрения, считал Р.С. Белкин, следами преступления являются любые изменения среды, возникшие в результате совершения в этой среде преступления. По нашей классификации, эти изменения могут быть двух видов: идеальные («отпечатки» события в сознании людей) и материальные («отпечатки» события на предметах, изменения обстановки события). Механизм возникновения идеальных изменений и сами эти изменения как мысленные образы в сознании людей – участников или посторонних наблюдателей события – являются объектом исследования криминалистики лишь отчасти, поскольку криминалистика черпает основные данные об этих процессах из психологии (общей и судебной), физиологии и других наук о человеке. В полном объеме криминалистическими объектами являются материальные изменения среды, и именно они составляют содержание понятия «следы преступления» [24, т. 2, с. 39].

Вслед за Р.С. Белкиным О.Я. Баев также к первым относит отпечатки события в сознании, памяти людей, совершивших преступление и (или) к нему прикосновенных (например, укрыватели преступления и т. п.), потерпевших от преступления, очевидцев, других свидетелей и т. д., и именует их «интеллектуальными» или «памятными» следами, а ко вторым – отпечатки события на любых материальных объектах: предметах, документах, теле и (или) организме потерпевшего, обстановке события и т. д. [25, с. 57].

Р.С. Белкин следующим образом определял преимущества материальных следов по сравнению с идеальными:

- обладают большей устойчивостью; содержащаяся в них информация более устойчива при воздействии на нее процессов рассеивания информации;
- менее подвержены воздействию субъективных факторов, обладают, как правило, большей объективностью;
- доступны для непосредственного рассмотрения, воспроизводимы в эксперименте;
- напрямую связаны с событием причинно-следственными отношениями;
- труднее фальсифицируются [26, с. 65].

Первым попытку дать криминалистическое определение материальных следов преступления сделал И.Н. Якимов: «...все те материальные изменения, какие происходят в обстановке места происшествия, в окружающей среде и в предметах, связанных с событием преступления» [27, с. 108]. Вместе с тем ему же принадлежит и более узкое определение: «Следом называется отпечаток на чем-нибудь предмета, позволяющий судить об его форме или об его назначении» [28, с. 44].

С.М. Потапов под следами вообще понимал, по сути, материальные следы – «отражения на материальных предметах признаков явлений, причинно связанных с расследуемым событием. Следы могут возникать от людей, отдельных предметов и от действия сил природы» [29].

Б.И. Шевченко придерживался такого же мнения: «Для обозначения всех самых разнообразных и разнохарактерных материальных изменений, которые обязаны своим происхождением тем или иным действиям преступника, связанным с совершением преступления во всех его стадиях, пользуются в криминалистике обобщающим и охватывающим все эти изменения названием – следы преступления» [30, с. 4]. При этом в рамках разработанного им учения о следах (трасологии) он ограничился рассмотрением следов-отображений. След-отображение – это отображение на одном материальном объекте внешнего строения другого материального объекта [31, с. 13].

Многие авторы в своих исследованиях отмечали важность для расследования преступлений различных следов, понимаемых как любые материально-фиксированные изменения среды, а не только следов-отображений.

Так И.Ф. Крылов, являясь сторонником данной точки зрения, считал, что «ограничение содержания учения о следах лишь следами-отпечатками может повредить практике» и что учение о следах «должно включать в себя как учение собственно о следах (отображениях), так и учение об изменениях, проявляющихся на месте преступления, на жертве или на самом преступнике в результате воздействия последнего» [32, с. 7], «для раскрытия преступления и изобличения преступника пятна крови, образовавшиеся от пореза преступником пальца, или отслоение пыли, принесенной на подошве обуви, имеют порой не меньшее значение, чем отпечатки пальцев и прочие следы в узком смысле слова» [33, с. 7].

И.И. Пророков вслед за Г.Л. Грановским [34, с. 7], отмечал, что «наряду с внешним строением в... следах находят известное отображение и некоторые иные свойства следообразующего объекта, а также условия и механизм самого следообразования» [35, т. I, с. 214].

В.С. Сорокин под следами преступления подразумевает «всевозможные материальные изменения в окружающей обстановке, связанные с совершенным преступлением. Эти изменения могут выражаться в перемещении предметов или веществ, отсутствии или наличии их в определенном месте, потере или приобретении каких-либо свойств» [36, с. 3].

Приведенные суждения нашли свое развитие в статье Е.Е. Центрова. Он пишет: «Ограничение содержания понятия «трасология» лишь следами-отображениями внешнего строения объекта ограничивает тактический и идентификационный кругозор следственных, оперативных работников и экспертов» [37, с. 35], «по существу, следы являются отражением факта взаимодействия объектов, их связи между собой и связи с происшедшим событием. Идентификация объектов по их следам выступает в качестве одного из средств установления этой связи» и формулирует следующее авторское определение следа в широком смысле «как отображение факта взаимодействия, связи объектов между собой и с расследуемым событием, а также особенностей их внешнего строения, внутренней структуры, внешних и внутренних качеств и свойств» [38, с. 34].

Наиболее удачными, с нашей точки зрения, хотя и не бесспорными являются определения материальных следов, сформулированные Р.Г. Домбровским: «Материальные следы – это отражение события преступления или его обстоятельств на предметах, в обстановке. Последнее основано на способности материальных тел реагировать на воздействие других тел своими внутренними изменениями и внешним ответным воздействием»

[39, с. 75]. «Материальные следы – это остаточные от события преступления явления, характеризующиеся низшими формами отражения на уровне механических, физических или химических процессов» [40, с. 77].

В философии различают отражение в неживой и живой природе. Сущность первого заключается в свойстве объектов материального мира воспроизводить под воздействием других материальных объектов «такие следы, отпечатки, реакции, структура которых находится в соответствии с какими-либо сторонами воздействующих вещей» [41].

В живой природе отличительной чертой отражения является его применение отражающими объектами для «самосохранения, самоприспособления» и, в соответствии с уровнем организации живой материи, оно эволюционирует от допсихической формы – раздражимости (у растений и простейших организмов) до психических форм – ощущения и восприятия (у животных и человека), определяемых деятельностью нервной системы и мозга [42; 43]. Допсихическая форма отражения в живой природе хотя и имеет более сложный механизм реализации, чем отражение в неживой природе, но имеет объективную основу. Например, комнатное растение, находясь на постоянном месте, будет расти в направлении источника света – «тянуться» к нему, и изменение его положения можно будет установить по несоответствию расположения источника света (окно) и формы, расположения элементов растения (стебли, листья).

Исходя из сказанного, считаем возможным с криминалистических позиций разделить все формы отражения по критерию объективности на два вида: 1 – материальное отражение, включающее в себя отражение в неживой природе и допсихическую форму отражения в живой природе; 2 – психическое отражение в живой природе.

Предложенное деление форм отражения считаем целесообразным использовать в качестве естественного основания деления следов в криминалистике соответственно на материальные и идеальные.

Проникновение в юридические науки, и в криминалистику в частности, идей теории информации естественным образом отразилось и на учении о следах. В криминалистике появилось направление, представители которого процесс следообразования рассматривают как информационный, а последствия совершенного преступления именуют информацией [44, с. 75]. Термин «информация» (лат. information – разъяснение, изложение) обычно означает: некоторые сведения, совокупность каких-либо данных, знаний [45]; сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами; сообщения, освещающие о положении дел, о состоянии чего-нибудь [46, с. 232].

Помимо приведенных ранее «традиционных» определений в криминалистической литературе имеется целый ряд различных определений «материальных следов преступления», в которых авторы помимо категории отражения используют категорию «информация».

Так, А.В. Васильев определяет материальные следы как объективную информацию о событии преступления и личности преступника, которая может быть исследована и идентифицирована естественно-научными методами (по следу рук, ног, крови, слюны, следам нарезки на оболочке пули и т. п.) [47, с. 517].

По мнению Н. С. Полевого, результатом взаимодействия материальных объектов «являются отображения, а данные, образующие их содержание, – информацией... при такой концепции информации под данными, образующими содержание отображения, понимаются любые реальные изменения любой природы» [48, с. 35].

В.Я. Колдин и Н.С. Полевой считают, что «рассматриваемые с позиции теории информации материальные следы представляют не что иное, как кодированные сообще-

ния, сигналы информации о расследуемом преступлении» [49, с. 33]. Подобной точки зрения, что материальные следы преступления являются знаком, который в свою очередь выступает носителем информации, придерживались многие авторы [50, с. 31; 51, с. 74; 52, с. 52; 53, с. 30–34; 54, с. 12; 55, с. 20; 56, с. 197–228; 57].

Сторонники этой точки зрения, по существу, отождествляют отражение и информацию, считают, что материальные следы преступления представляют собой единство содержания – информации, т. е. сведений о чем-либо, – и материальной формы, что, по мнению Р.Г. Домбровского, находится в противоречии с выводами теории познания о том, что «в предмете нет знания, но в результате изучения его возникает знание о нем» [58, с. 17]. Он определяет отождествление материальных следов преступления с информацией как логическую ошибку, именуемую подменой тезиса. Исходные посылки при этом вытекают из присущего материи свойства отражения и потенциальной возможности объективного познания реальности и возражений не вызывают: 1) предметы или вещи являются материальными следами преступления ввиду некоторых их свойств или состояний, вызванных совершенным преступлением; 2) свойства или состояния предмета позволяют судить познающим субъектам о фактах, с которыми они связаны.

Подмена тезиса, считает Р.Г. Домбровский, – и мы с ним полностью солидарны, – состоит в синтезируемом выводе, что свойства или состояния предмета не что иное, как «сведения», «данные» или «информация», т. е. знания. Таким образом, знания, выработанные субъектом познания при его обращении к материальным следам преступления, необоснованно приписываются самим следам [59, с. 75–76].

Высоко оценивая вклад Р.С. Белкина в разработку теории данного вопроса, С.А. Шейфер писал: «Можно считать, что следы выступают как результат «первичного отражения» события в окружающей среде. Они являются объективной основой уголовно-процессуального познания, так как позволяют уполномоченному государственному органу, изучив следы и зная закономерности их образования, умозаключить о породившем их либо иначе связанном с ним событии. Однако следы – это еще не доказательства. Чтобы стать таковыми, они должны быть восприняты субъектом доказывания с соблюдением надлежащей процедуры, отображены в его сознании, преобразованы (перекодированы) им и в таком измененном виде закреплены в материалах дела» [60, с. 34; 61, с. 26].

Обобщая сказанное, на основе анализа существующих представлений о материальных следах преступления можно предложить следующее определение: материальные следы преступления – это результаты материального отражения свойств взаимодействующих в ходе преступной деятельности материальных объектов, исследование которых позволяет формировать доказательственную информацию об отдельных обстоятельствах совершенного преступления.

Ссылки:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973.
2. Майлис Н.П. О некоторых научных и процессуальных проблемах судебной экспертизы // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2004. № 4.
3. Тушканов И.В. Государство и право Руси IX в. – первой трети XVI в. Волгоград, 2003.
4. Майлис Н.П. Указ. раб.
5. Орлов Н. Опыт краткого руководства для произведения следствий. М., 1833.

References (transliterated):

1. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. M., 1973.
2. Maylis N.P. O nekotoryh nauchnyh i protsessual'nyh problemah sudebnoy ekspertizy // «Chernye dyry» v Rossiyskom zakonodatel'stve. 2004. No. 4.
3. Tushkanov I.V. Gosudarstvo i pravo Rusi IX v. – pervoy trety XVI v. Volgograd, 2003.
4. Maylis N.P. Op. cit.
5. Orlov N. Opyt kratkogo rukovodstva dlya proizvedeniya sledstviy. M., 1833.

6. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Часть II. СПб., 1867.
7. Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия. СПб., 1909. С. XII.
8. Б. Р. Двадцатилетие криминалистики // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 4.
9. Розин М.М. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914.
10. Никитин Е.П. Метод познания прошлого // Вопросы философии. 1966. № 8.
11. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе оперативно-разыскной деятельности. М., 2009.
12. Ишин А.М. Информационные аспекты раскрытия и расследования преступлений в современных условиях и их реализация в трудах профессора Р.С. Белкина // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики : материалы международной научной конференции. М., 2002. С. 162.
13. Ткачев С.Е. Синхронная стереофотометрия как криминалистический метод фиксации объектов на месте происшествия // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2007. № 2.
14. Пророков И.И. Общие положения трасологии // Криминалистическая экспертиза. Вып. 6, разд. 8. М., 1968.
15. Зуйков Г.Г. Методологическое значение изучения способов совершения преступлений // Криминалистика : учебник для юрид. вузов МВД СССР. М., 1969.
16. Домбровский Р.Г. Следы преступления и информация // Правоведение. 1988. № 3.
17. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики // Соц. законность. 1938. № 6.
18. Труды Военно-юридической академии Красной Армии. М., 1942. Вып. 2.
19. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории. М., 1987.
20. Корюкин В.И. Вероятность и информация // Вопр. философии. 1965. № 8.
21. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.
22. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997.
23. Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике. М., 2006.
24. Баев О.Я. Основы криминалистики : курс лекций. М., 2001.
25. Суворова Л.А. Указ. раб.
26. Якимов И.Н. Криминалистика : руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925.
27. Белкин Р.С. Курс криминалистики.
28. Якимов И.Н. Осмотр. М., 1935.
29. Краткий юридический словарь. М., 1945.
30. Шевченко Б.И. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975.
6. Kvachevskiy A.A. Ob ugovnom presledovanii, doznanii i predvaritel'nom issledovanii prestupleniy po sudebnym ustavam 1864 g. Pt. II. SPb., 1867.
7. Lebedev V.I. Iskusstvo raskrytiya prestupleniy. I. Daktiloskopiya. SPb., 1909. P. XII.
8. B. R. Dvadtsatiletie kriminalistiki // Zhurnal ugovnogo prava i protsessa. 1913. No. 4.
9. Rozin M.M. Ugolovnoe sudoproizvodstvo. SPb., 1914.
10. Nikitin E.P. Metod poznaniya proshlogo // Vo-prosy filosofii. 1966. No. 8.
11. Dolya E.A. Formirovanie dokazatel'stv na osnove operativno-razysknoy deyatel'nosti. M., 2009.
12. Ishin A.M. Informatsionnye aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy v sovremennyh usloviyah i ih ryealizatsiya v trudah professora R.S. Belkina // Rol' i znachenie deyatel'nosti R.S. Belkina v stanovlenii sovremennoy kriminalistiki : materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. M., 2002. P. 162.
13. Tkachev S.E. Sinhronnaya stereofotometriya kak kriminalisticheskiy metod fiksatsii obektov na meste proisshestviya // «Chernye dyry» v Ros-siyskom zakonodatel'stve. 2007. No. 2.
14. Prorokov I.I. Obschie polozheniya trasologii // Kriminalisticheskaya ekspertiza. Issue. 6, par. 8. M., 1968.
15. Zuykov G.G. Metodologicheskoe znachenie izucheniya sposobov soversheniya prestupleniy // Kriminalistika : uchebnik dlya yurid. vuzov MVD SSSR. M., 1969.
16. Dombrovskiy R.G. Sledy prestupleniya i infor-matsiya // Pravovedenie. 1988. No. 3.
17. Shaver B.M. Predmet i metod sovetskoy kriminal-istiki // Sots. zakonnost'. 1938. No. 6.
18. Trudy Voenno-yuridicheskoy akademii Krasnoy Armii. M., 1942. Issue 2.
19. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy, tendentsii, perspektivy. Obschaya i chastnaya teorii. M., 1987.
20. Koryukin V.I. Veroyatnost' i informatsiya // Vopr. filosofii. 1965. No. 8.
21. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy segodnyash-nego dnya. M., 2001.
22. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki : in 3 vol. M., 1997.
23. Suvorova L.A. Idyeal'nye sledy v kriminalistike. M., 2006.
24. Baev O.YA. Osnovy kriminalistiki : kurs lektsiy. M., 2001.
25. Suvorova L.A. Op. cit.
26. Yakimov I.N. Kriminalistika : rukovodstvo po ugovnoy tehnikе i taktike. M., 1925.
27. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki.
28. Yakimov I.N. Osmotr. M., 1935.
29. Kratkiy yuridicheskiy slovar'. M., 1945.
30. Shevchenko B.I. Teoreticheskie osnovy trasologicheskoy identifikatsii v kriminalistike. M., 1975.

31. Шевченко Б.И. Научные основы современной трасологии. М., 1947.
32. Крылов И.Ф. Следы на месте преступления. Л., 1961.
33. Там же.
34. Грановский Г.Л. Основы трасологии. М., 1965.
35. Криминалистика. М., 1969.
36. Сорокин В.С. Обнаружение и фиксация следов на месте происшествия. М., 1966.
37. Центров Е.Е. Следы как отражение взаимосвязи объектов и их связи с происшедшим событием // Вестник криминалистики. Вып. 1 (3). 2002.
38. Там же.
39. Домбровский Р.Г. Указ. раб.
40. Там же.
41. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1987.
42. Там же.
43. Спиркин А.Г. Отражение // БСЭ. М., 1973.
44. Домбровский Р.Г. Указ. раб.
45. Философский словарь.
46. Ожегов С.И. Указ. раб.
47. Васильев А.В. Юридическая психология. М., 2002.
48. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. М., 1982.
49. Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М., 1985.
50. Белкин А.Р. Теория доказывания. М., 1999.
51. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Закон и право. М., 2001.
52. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. и др. Криминалистика. М., 2004.
53. Агафонов В.В., Филиппов А.Г. Криминалистика: вопросы и ответы. М., 2002.
54. Шурухнов Н.Г. Криминалистика. М., 2004.
55. Яблоков Н.П. Криминалистика в вопросах и ответах. М., 2004.
56. Дорохов В.Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе : 2-е изд. / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973.
57. Вахтомин Н.К. Генезис научного знания. М., 1973.
58. Домбровский Р.Г. Указ. раб.
59. Там же.
60. Шейфер С.А. Роль Р.С. Белкина в разработке методологии доказывания по уголовному делу // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики : материалы междунар. научн. конф. М., 2002.
61. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009.
31. Shevchenko B.I. Nauchnye osnovy sovremennoy trasologii. M., 1947.
32. Krylov I.F. Sledy na meste prestupleniya. L., 1961.
33. Ibid.
34. Granovskiy G.L. Osnovy trasologii. M., 1965.
35. Kriminalistika. M., 1969.
36. Sorokin V.S. Obnaruzhenie i fiksatsiya sledov na meste proisshestiya. M., 1966.
37. Tsentrov E.E. Sledy kak otrazhenie vzaimosvyazi obektov i ih svyazi s proisshedshim sobytiem // Vestnik kriminalistiki. Issue 1 (3). 2002.
38. Ibid.
39. Dombrovskiy R.G. Op. cit.
40. Ibid.
41. Filosofskiy slovar' / ed. by I.T. Frolov. M., 1987.
42. Ibid.
43. Spirkin A.G. Otrazhenie // BSE. M., 1973.
44. Dombrovskiy R.G. Op. cit.
45. Filosofskiy slovar'.
46. Ozhegov S.I. Op. cit.
47. Vasil'ev A.V. Yuridicheskaya psihologiya. M., 2002.
48. Polevoy N.S. Kriminalisticheskaya kibernetika. M., 1982.
49. Koldin V.Y., Polevoy N.S. Informatsionnye protsessy i struktury v kriminalistike. M., 1985.
50. Belkin A.R. Teoriya dokazyvaniya. M., 1999.
51. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki. Zakon i pravo. M., 2001.
52. Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Koruhov Y.G. et al. Kriminalistika. M., 2004.
53. Agafonov V.V., Filippov A.G. Kriminalistika: vo-prosy i otvety. M., 2002.
54. Shuruhnov N.G. Kriminalistika. M., 2004.
55. Yablokov N.P. Kriminalistika v voprosah i otvetah. M., 2004.
56. Dorohov V.YA. Ponyatie dokazatel'stva // Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse : 2nd ed. / executive ed. N.V. Zhogin. M., 1973.
57. Vahtomin N.K. Genezis nauchnogo znaniya. M., 1973.
58. Dombrovskiy R.G. Op. cit.
59. Ibid.
60. Sheyfer S.A. Rol' R.S. Belkina v razrabotke metodologii dokazyvaniya po ugovnomu delu // Rol' i znachenie deyatel'nosti R.S. Belkina v stanovlenii sovremennoy kriminalistiki : materialy mezhdunar. nauchn. konf. M., 2002.
61. Sheyfer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya. M., 2009.